

Історія та сучасний стан слов'янських мов; питання методики та перекладу

УДК 811.161.1'373.45(477.74)

Л. Ф. Баранник,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри російського мови

Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,

Французький бульвар, 24 / 26, г. Одеса, 65058, Україна,

тел.: (048)776-22-77,

kostomarowa-o@mail.ru

УКРАИНСКО-РУССКОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В статье выявлены основные лексико-семантические особенности русских островных говоров Одесской области, которые длительное время (более 200 лет) функционируют в отрыве от основного русскоязычного и материнского, южнорусского, массива. Украинское окружение способствует, с одной стороны, сохранению в островных говорах многих диалектных слов, утраченных в говорах метрополии, с другой – проникновению значительного пласта лексических заимствований, что порождает лексико-семантическое своеобразие русских переселенческих говоров юга Украины.

Ключевые слова: русская диалектология, южнорусские переселенческие говоры Одесской области, междиалектные контакты, лексическое заимствование.

На юге Украины, в Одесской области, расположено свыше сорока русских селений, основанных переселенцами из южных губерний России, в основном, Курской и Орловской, в конце XVIII – начале XIX вв.

За время длительного пребывания в отрыве от основного языкового массива, от „материнских” южнорусских говоров в полиэтничном и разноязычном окружении словарный состав русских островных говоров Одесщины пополнился большим количеством заимствований из украинского, болгарского, молдавского, румынского, гагаузского и немецкого языков.

Анализ заимствований показывает, что большинство их воспринято из близкородственного украинского языка и его говоров. Украинизмы проникли во все группы бытовой и сельскохозяйственной лексики, а также в словарь, связанный с природой, с местным ландшафтом, с растительным и животным миром. Помимо слов с предметным значением, в русские говоры из соседних украинских вошло большое количество глаголов, прилагательных, наречий, обозначающих важнейшие трудовые и физиологические процессы, действия, ощущения, состояния, качества, свойства, признаки, обстоятельства, а также эмоциональные и волевые импульсы. Примечательно, что для других языков, контактирующих с русскими островными говорами, за исключением редких случаев, непредметный словарь русских переселенцев оказался непроницаемым.

Украинизмы усваиваются русскими не только устным, но и книжным путем (через газету, радио, телевидение, школу и т.п.). В школах русских сел Одесщины преподается украинский язык, местные жители читают украинские газеты, слушают украинское радио. Все это, несомненно, способствует интенсивному проникновению украинизмов в близкородственную систему южнорусских говоров не только из соседних украинских говоров, но и из украинского литературного языка.

В русских говорах Одесщины выделяется большая группа слов, общих с украинскими и другими южнорусскими: будя́к, бо́рошно, во́лна, горо́дина, дежа́, кичка́, кут, корец, но́вина, рога́ч, світа, скры́ня, толока́, сига́ть, сюды́, череда́ и др., генетически восходящих к общему для русского и украинского языков общеславянскому источнику. Такие слова в исследуемых русских говорах, конечно, нельзя рассматривать как лексические заимствования из украинского языка. О необходимости строго различать заимствования и факты, „свидетельствующие о родстве между собою языков”, писал ещё академик Филипп Фёдорович Фортунатов: „При исследовании родственных отношений между языками заимствования, получаемые одним языком от другого, должны быть строго отличаемы от фактов, свидетельствующих о родстве между собою данных языков” [7, с. 71]. Сохранению и активному употреблению подобных слов в русских говорах юга Украины, несомненно, способствует непосредственное соседство с украинском языком, в котором они являются литературными. Характерно, например, что из словарных дублетов

рога́ч – емки́ более употребительным в русских селениях является первый, широко известный и в украинском языке. Его южнорусский эквивалент емки, неизвестный украинцам, выходит из употребления: он встречается только в речи стариков.

Включаясь в лексико-семантическую систему русских говоров, все украинизмы претерпевают фонетические, морфологические и смысловые изменения в соответствии с внутренним строем русских говоров, наблюдается фонетико-морфологическая и семантическая ассимиляция украинских заимствований на русской диалектной почве.

Освоение украинизмов происходит в русских говорах не только в планах формальном и семантическом, но и функциональном. Заимствованные слова по характеру их употребления в русских переселенческих говорах занимают далеко не одинаковое место. Одни из них вошли в широкое повседневное употребление, другие в настоящее время стали архаизмами, т.е. находятся на периферии словарного состава русских говоров. Все словарные заимствования по степени их употребительности в наших говорах можно разделить на две группы. В первую группу входят активно употребляемые слова. Вторую составляют лексемы, находящиеся на периферии словарного состава говоров. Первую группу заимствований представляют главным образом слова, обозначающие новые для русских переселенцев реалии. Они являются в говорах наименованиями предметов, явлений, понятий, усвоенных русскими уже после переселения из России. Сюда относятся лексемы, обозначающие особенности материальной и духовной культуры, повседневного быта украинцев, с которыми русские познакомились, переселившись в Бессарабию, названия специфически местных предметов сельскохозяйственного производства, окружающей природы: вапна, гонт, кре́йда, дра́ница, це́гла, галу́шки, ва́реники, капу́сник, кули́щ, ко́ндёр, пампушки, шкварки, га́рбуз, гро́на, гру́ба, дро́гва, ру́шанка, ве́черницы, ху́стка, шканды́бки, яр, ровча́г и т.п.

Заимствования вместе с новыми реалиями нередко называют „культурными” (Ж. Вандриес, А. И. Соболевский, И. И. Огиенко) [2, 5, 6]. Такого рода заимствования „особенно легко переходят из языка в язык вместе с предметами, ими обозначаемыми; предмет несёт их вместе с собой, иногда увлекает их очень далеко: слова следуют за вещами” [2, с. 212]. Обозначая жизненно важные предметы и явления, эти слова составляют активный запас каждого жителя русских

сел Одесской области. Для них нет семантических эквивалентов, синонимов в исследуемых русских говорах.

К активно употребляемым украинизмам относятся заимствования, которым в русском языке соответствуют только словосочетания: оле́я – ‘подсолнечное масло’, грома́дить – ‘сгребать сено’, гуртова́ться – ‘сбиваться в гурт’, дивува́ть – ‘быть незамужем’, кисля́к – ‘кислое молоко’, о́ранка – ‘вспаханная земля’, парубкува́ть – ‘быть холостяком, вести холостяцкую жизнь’, по́раться – ‘заниматься хозяйством’, шкварки – ‘зажаренные кусочки сала’ и др., а также украинские слова, дифференцирующие, конкретизирующие актуально важные понятия в исследуемых говорах. Сюда относятся, например, детализированные наименования животных: гуч ‘жеребенок в возрасте двух лет’, лоши́ца ‘молодая кобыла’, невора́ка ‘овца по второму году’, пе́рвосточка ‘впервые отелившаяся корова’; посуды, предметов быта: рушни́к ‘вышитое полотенце’, карпе́тки ‘вязаные носки’, кви́ты ‘искусственные цветы из воска или бумаги’, маки́тра ‘большой продолговатый глиняный горшок для хранения масла или солений’ и др.

Употребительны в русских островных говорах украинизмы, отличающиеся от русских соответствий некоторыми оттенками значений, не имеющие абсолютных синонимов в словарном составе русских переселенческих говоров: коха́ть ‘любить кого-нибудь’ (ср. русск. любить), му́лить ‘натирать, давить’ (об обуви, о глазе, когда в него попадет что-нибудь) (ср. русск. натирать, давить), натра́пить ‘случайно найти, встретить’ (ср. русск. найти, встретить) и т.п.

Для носителей русских говоров перечисленные слова – такие же близкие, свои, как и исконно южнорусские. Большая генетическая и структурно-типологическая близость украинского языка и южнорусских диалектов способствует свободному проникновению украинских лексических элементов в русские островные говоры на уровне речи, так как их чужеродность русскими слабо ощущается, вследствие совпадения многих языковых черт и общих тенденций развития в обеих близкородственных лексико-семантических системах.

Активно усваиваются русскими переселенцами украинские элементы не только номинативного словарного фонда, но и экспрессивного. И это вполне закономерно. Еще Л. П. Якубинский заметил: „в категории выразительных и изобразительных слов... постоянно имеют тенденцию возникать новые слова, которые либо более свежо и энергично

удовлетворяют выразительным заданиям речи, либо по-новому отражают данное представление. В этих категориях слов происходит перманентное обновление, которое может осуществляться и за счет своего материала, и, в условиях взаимодействия с иноязычным населением, за счет иноязычного” [9, с. 15].

Лексическая система русских островных говоров активно впитывает украинские слова, обладающие экспрессией, так как они создают образное, живое представление об уже известных ранее русским предметах, явлениях, процессах окружающей действительности: разгарди́ш – беспорядок, вытребе́нки – причуды, ледацо́га – лентяй, перебе́ндя – привередливый человек, *неоха́йный* – неаккуратный и мн. др. В результате в русских островных говорах появляется большое количество синонимических рядов. Особенно показательны в этом плане глаголы. Ср., например: *втя́мить* – *растело́пить* – *понять*, *пыта́ть* – *спра́шивать*, *вы́кохать* – *вырасти*, *заплётаться* – *запутаться*, *зраде́ть* – *обрадоваться*, *жури́ться* – *печалиться* – *грустить*, *майну́ть* – *исчезнуть*, *подоба́ться* – *нравиться*, *лушпа́рить* – *бить* (кого-либо), *шанова́ть* – *уважать* и т.п.

Наряду с полнозначными экспрессивами русские восприняли из украинского языка некоторые эмоционально яркие междометия и междометные слова. Это вполне закономерно, ибо, как указывает Л. А. Булаховский, „при соприкосновении одного народа с другим исторически слагаются отношения перенимания не только в сфере культуры в положительном смысле слова: привлекать к себе, усваиваясь в том или ином виде, может и просто аффективное...” [1, с. 39]. Из украинского языка русские заимствовали эмоционально-экспрессивные междометия *га́йда* ‘айда! пошел! давай! марш! ну! (в качестве приглашения)’ [Гр., т. 1, с. 267], *ге́ть* ‘вон! прочь! долой!’ [Гр., т. 1, с. 280]. Лексема *ге́ть* зачастую употребляется также как усилительная частица в значении ‘совершенно, решительно, очень’ (*Рубашки уе́ть разарвались. Яму́ эту траву уе́ть ни давай*; ср. укр. *ге́ть* в том же значении [Гр., т. 1, с. 280]).

Наблюдения показывают, что заимствование экспрессивных слов из украинского языка и его говоров является одним из основных источников обогащения активного экспрессивного фонда русских островных говоров Юга Украины. К заимствованиям, находящимся на периферии словарного состава говоров, относятся, во-первых, слова-историзмы, являющиеся единственными наименованиями вышедших

из употребления, устарелых предметов быта и сельскохозяйственно-го производства (верёття, ло́жник, чипі́цы, череві́ки, кварта́, о́ка и др.), во-вторых, слова, которые употребляются гораздо реже русских эквивалентов и осознаются русскими как чуждые родному языку (*ба́тыг, га́нок, каби́ца, лан* и т.п.).

Русские островные говоры воспринимают украинские лексические элементы отнюдь не пассивно. В них постоянно происходит отбор получаемого из украинского языка и его говоров лексического материала. С одной стороны, активно усваиваются украинизмы, которые являются жизненно необходимыми в повседневном общении. Обозначая новые для русских предметы, понятия, явления, передавая тончайшие оттенки того или иного значения, эти слова обогащают словарный состав говоров. С другой стороны, русские островные говоры утрачивают те украинские элементы, которые отжили свое время в связи с выходом из употребления реалий, ими обозначаемых.

В русских островных говорах Одесской области наблюдается не только функциональное, но и семантическое взаимодействие лексических единиц близкородственных контактирующих языков: русского и украинского. Т. К. Черторижская справедливо подчеркивает: „Семантическое и функциональное взаимодействие лексических единиц двух или нескольких контактирующих языков относится к явлениям лексической интерференции в одном языке под влиянием другого в условиях межъязыковых связей” [8, с. 125].

„Явлениями лексической интерференции, – отмечает Ю. А. Жлуктенко, – следует считать все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре” [4, с. 129]. Ю. А. Жлуктенко выделяет три основных типа лексической интерференции: заимствование, калькирование и семантическое изменение лексических единиц, которое „совершается полностью в плане содержания” [4, с. 152]. Этот тип лексической интерференции Ю. А. Жлуктенко называет семантической интерференцией. В русских островных говорах юга Украины широко представлены два типа лексической интерференции: заимствование и семантическое изменение лексических единиц, как иноязычных, так и исконных.

В русских островных говорах Одесщины значения материнских, южнорусских слов нередко изменяются вследствие взаимодействия их с близкими по семному составу украинскими. Так, расши-

рение значения курского *ботвіна* ‘свекольная ботва’ (Халанск., с. 14; Кард., с. 245) в исследуемых говорах произошло под влиянием украинских соответствий *ботвіна* ‘листья корнеплодов’ [Гр., т.1, с. 39], *бутвіння* ‘зелень, которую кладут в борщ: петрушка, лук, укроп и др.’ [Гр., т. 1, с. 116]. Под воздействием более широкой семантики украинского слова изменилось значение южнорусского: *ботвіна* в исследуемых островных говорах не только стебли, ботва свеклы, но и картофеля, моркови, петрушки, укропа и т.п.

Семантическая интерференция способствует развитию в островных говорах синонимических отношений между заимствованными и исконно русскими словами. Многочисленны в исследуемых говорах синонимы, образованные за счет сближения по значению местных, общенародных и заимствованных слов. Среди них выделяются синонимические пары, состоящие из украинского и русского слова: *обу́риватися* (укр. *обу́рюватися*) – *возмущаться*, *тя́мить* (укр. *тя́мити*) – *понимать*, *охля́ть* (укр. *охля́ти*) – *похудеть*, *катова́ть* (укр. *ка́тува́ти*) – *бить* и др. Стилистически нейтральными в таких синонимических рядах выступают русские слова, украинизмы отличаются не только большей степенью проявления признака, но и особой эмоционально-экспрессивной насыщенностью, присутствием коннотативных сем (ср.: *охля́ть* ‘очень похудеть’ – *похудеть*, *катова́ть* ‘сильно бить’ – *бить*) и т.п.

Взаимодействуя с семантическими эквивалентами и синонимами из украинского литературного языка и его говоров, русские слова, местные и общеизвестные, претерпевают различные изменения в своей семантике. Это вполне закономерно, ибо, как отмечает В. В. Виноградов, „...значение слова зависит... от конкретных лексических связей его с другими словами... от семантической соотнесенности этого слова с синонимами и вообще с близкими по значению и оттенками словами” [3, с. 6].

Займствования из украинского литературного языка и его говоров играют существенную роль в лексико-семантической системе русских островных говоров юга Украины. Они обогащают диалектную синонимику, позволяют конкретизировать отдельные жизненно важные понятия, разграничить оттенки значений южнорусских слов. Наблюдения показывают, что влияние близкородственного языка на лексику русских островных говоров юга Украины многогранно. Оно заключается в том, что украинский язык способствует, во-первых,

сохранению в них южнорусской лексики, общей с украинской, во-вторых, проникновению в активный словарный состав русских говоров значительного количества украинских литературных и диалектных слов номинативного и экспрессивного фонда, в-третьих, семантическому изменению отдельных южнорусских слов, в-четвертых, появлению в русских островных говорах заметного пласта дублетных и синонимических рядов, включающих исконно русские и украинские компоненты.

Список сокращений и использованной литературы

1. Булаховский Л. А. К истории взаимоотношений славянских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка / Л. А. Булаховский. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. X. – С. 37–49.
2. Вандриес Ж. Язык / Ж. Вандриес. – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. – 409 с.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.
4. Жлуктенко Ю. А. Лексические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – К. : Вища школа, 1974. – 176 с.
5. Огиенко И. И. Иноязычные элементы в русском языке / И. И. Огиенко. – К., 1915.
6. Соболевский А. И. Русские заимствованные слова / А. И. Соболевский. – СПб, 1891. – 152 с.
7. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. – Т. 1. Язык и наречия / Ф. Ф. Фортунатов. – М. : Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 472 с.
8. Черторижская Т. К. Взаимодействие русской и украинской лексики в русских произведениях Т. Г. Шевченко / Т. К. Черторижская; отв. ред. И. К. Белодед. – К. : Наук. думка, 1981. – 256 с.
9. Якубинский Л. П. Несколько замечаний о словарном заимствовании / Л. П. Якубинский // Язык и литература. – Л., 1926. – Т. 1. – Вып. 1–2. – С. 7–11.

Гр. – Гринченко Б. Словарь украинского языка. – Т. I–IV. – К., 1907–1909.

Кард. – Кардашевский С. М. Курско-орловский словарь // Ученые записки МОПИ имени Н. К. Крупской. – Т. 35. – Вып. 3. – М., 1956.

Пр. – Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–2. – М., 1958.

Халанск. – Халанский М. Г. Сведения и заметки о говорах русского языка в северной части Путивльского уезда Курской губернии // Русский филологический вестник. – Т. XVI. – № 4. – СПб., 1886.

Л. Ф. Баранник

УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКА ЛЕКСИЧНА ВЗАЄМОДІЯ В РОСІЙСЬКИХ ОСТРІВНИХ ГОВІРКАХ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

У статті виявлено основні лексико-семантичні особливості російських острівних говірок Одеської області, які тривалий час (понад 200 років) функціонують у відриві від основного російськомовного і материнського, південноросійського, масиву. Українське оточення сприяє, з одного боку, збереженню в острівних говірках багатьох діалектних слів, що були втрачені у говірках метрополії, з іншого – проникненню значного шару лексичних запозичень. Саме це породжує лексико-семантичну своєрідність російських острівних говірок півдня України.

Ключові слова: російська діалектологія, південноросійські переселенські говірки Одеської області, міжмовні контакти, лексичне запозичення.

L. F. Barannik,

Candidate of Philology,

Associate Professor of Russian Language Department

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel.: (048)776-22-77

kostomarowa-o@ mail.ru

ON THE PROBLEM OF UKRAINE-AND-RUSSIAN LEXICAL BORROWINGS IN ODESSA REGION

Summary

This article deals with lexical borrowings from the Ukrainian language in Russian emigrant dialects of Odessa region.

For a long time (over 200 years) the stock of words of Russian island dialects was increased by lexical borrowings from the neighbor language and the dialects of the Ukrainian people; it happened because of isolation from the southern Russian vocabulary. Ukrainian borrowings get into all groups of domestic and agricultural vocabulary as well as into lexicon connected with nature, plants and animals.

Ukrainian words were adopted during the period of examining the new phenomena, which the Russian migratory groups were not familiar with. It is the so called „cultural adoption”. The Russian migratory groups borrowed the Ukrainian vocabulary differentiating some general concepts from Russian dialects. Some Ukrainian words were apprehended because they serve as names of concepts

which in Russian are expressed as word-combinations. Sometimes the Ukrainian borrowings were initiated by their great expressiveness in comparison with Russian equivalents.

The majority of lexical borrowings from the Ukrainian language into the Russian dialects of Odessa region are clarified by the genetic relationship of two East Slavonic nations, their old tradition of cultural communication and intensive development of the Russian-and-Ukrainian bilingualism.

The influence of the closely-related language on the vocabulary of the Russian island dialects of Odessa region has many angles. It includes the following aspects: the Ukrainian language helps to preserve the south Russian lexicon common to the Ukrainian one; to penetrate many Ukrainian literary and dialect words of nominative and expressive fund into the active vocabulary of the Russian island dialects; to change semantic meanings of some southern Russian words; to generate a considerable layer of doublet and synonymous rows in the Russian island dialects.

The Russian island dialects of Odessa region are phenomena of linguistic, ethnographical and cultural relations. They are most interesting for linguists, historians, ethnographers, specialists in culture and folklore.

Key words: Russian island dialects, interlingual contact, lexical borrowing.

УДК 81'42

Н. В. Вдовиченко,

старший викладач кафедри прикладної лінгвістики
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
Французький бульвар, 24 / 26, м. Одеса, 65058, Україна,
тел.: (048)68-05-62,
vdovichenkonata@mail.ru

УНІВЕРСАЛЬНІ ОЗНАКИ КОНЦЕПТУ СОРОМ У НАУКОВОМУ ДИСКУРСІ

Стаття присвячена характеристиці універсальних ознак морально-етичного концепту СОРОМ, виявлених на матеріалі етико-філософських текстів. Показано, що в ході модернізації суспільства відбувається трансформація концептуального наповнення сорому, зумовлена зміною соціально-економічних зв'язків і мислення людини. Встановлено зв'язок СОРОМУ з концептами СТРАХ, СУМ, ГНІВ, ЧЕСТЬ, ЖАЛІСТЬ, СОВІСТЬ.

Ключові слова: морально-етичний концепт СОРОМ, універсальні ознаки, науковий дискурс, етика, філософія.